

© 1999 г. Л.Г. ЗУБКОВА

## ТИПОЛОГИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В СВЕТЕ ИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Памяти

Николая Сергеевича Трубецкого  
(1890–1938)

Едва ли не самые значительные трудности в создании содержательно ориентированной цельносистемной типологии, по свидетельству Г.А. Климова, связаны с включением в состав структурных признаков языкового типа парадигматических характеристик фонологического уровня [Климов 1983: 208, 211]. Такое включение предполагает как минимум определенную скоординированность парадигматики фонем с грамматическим строем языка. Между тем создатель общей систематики фонологических оппозиций Н.С. Трубецкой, касаясь недостаточно проработанного, по его мнению, вопроса о соотношении звуковой системы с грамматическим строем, в 1931 г. писал: "...Если под системой разуместь инвентарь, то соотношения никакого нет (могут быть два языка с совершенно одинаковым фонологическим инвентарем и совсем различными строями – напр., мордовский и русский и т.д.); но если брать функцию и статистику фонологических элементов, то получаются различия, находящиеся, по-видимому, в какой-то связи с грамматическим строем" [Трубецкой 1987: 420–421].

Действительно, при сравнении функций и комбинаторных возможностей фонем в русском и мордовском он обнаруживает в последнем "полный параллелизм между фонологическим и грамматическим строем" и, в частности, связывает с агглютинацией тот факт, что мордовская фонология "...редко обращается к свободному использованию коррелятивных противопоставлений и оперирует преимущественно архифонемами" [Трубецкой 1987: 66].

Тем не менее свою классификацию фонологических оппозиций Н.С. Трубецкой никак не соотносит ни с типологией языков вообще, ни с типологией языковых значений в частности. В его понимании в общей систематике фонологических оппозиций «"различение" ("дистинкция") в фонологическом смысле, то есть способность к смысло-различению, – это нечто такое, что не подлежит дальнейшему расчленению» [Трубецкой 1960: 100]. Хотя фонологические оппозиции могут дифференцировать либо значения слов (включая сюда и значения отдельных грамматических форм слова), либо значения предложений, однако разделение оппозиций на словоразличительные (лексические) и фразоразличительные (синтаксические), как считает Н.С. Трубецкой, применимо лишь к отдельным языкам. Он объясняет это отсутствием корреляции между типом оппозиции и ее функцией: "...все фонологические оппозиции, которые в одном языке выступают с фразоразличительной функцией, в другом языке могут быть наделены словоразличительной функцией" [Трубецкой 1960: 100]. Такое положение кажется тем более правомерным, что оно вполне согласуется с представлением об условном характере экспликативных средств звуковой стороны языка [Трубецкой 1960: 34], о произвольности языковых знаков.

Позднейшие попытки создания цельносистемной типологии, в частности опыт построения контенсивной типологии исходя из способа передачи субъектно-объектных

отношений, привели к пессимистическому выводу о том, что поиск фонологических импликаций контенсивного языкового типа в парадигматике фонологических систем обречен на неудачу [Климов 1983: 211]: "...не приходится ожидать какой-либо координированности фонемной парадигматики языка с содержательным принципом, отображаемым на его более высоких уровнях" [Климов 1983: 43].

И все же... Все же представляется возможным доказать обратное, опираясь прежде всего на самого Н.С. Трубецкого, но ориентируясь в иерархии функций фонологических оппозиций не на различение самостоятельных значащих единиц языка – слов и предложений, не на различение именных и глагольных классов, участвующих в передаче субъектно-объектных отношений, а на выражение основных типов языковых значений – лексических и грамматических, заданных первичным делением содержательной сферы языка. Основы такого подхода заложены в трудах классиков языкознания – В. фон Гумбольдта и И.А. Бодуэна де Куртенэ.

В. фон Гумбольдту казалось совершенно очевидным существование связи между звуком и его значением [Гумбольдт 1984: 92]. Более того, он указывал на связь **определенных звуков с определенными** понятиями [Гумбольдт 1984: 92], на **аналогию** понятий и звуков, особенно устойчивую при обозначении общих отношений [Гумбольдт 1984: 94], вследствие чего "словам со сходными значениями присуще также сходство звуков" [Гумбольдт 1984: 94].

Вслед за В. фон Гумбольдтом И.А. Бодуэн де Куртенэ не просто признает связь значения со звуком, но рассматривает ее как двустороннюю, допуская "...влияние известных звуков на значение и, наоборот, влияние значения на качество звуков" [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 81]. При этом И.А. Бодуэн де Куртенэ особо выделяет "известные противоположности (параллели) звуков" (различие мягких и твердых, звонких и глухих, долгих и кратких, ударенных и неударенных и т.п.), именно потому, что "...они находятся в тесной связи со значением слов и их частей" [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 80–81].

За различением значений слов и их частей у И.А. Бодуэна де Куртенэ стоит различение представлений семантических (внеязыковых) и представлений морфологических, т.е. представлений "структуры слов как единств, состоящих из морфем" [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 165].

Так как "каждый из психических элементов произносительной стороны языка ассоциируется или с морфологическими представлениями языка, или с семантическими, семасиологическими представлениями" [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 164], И.А. Бодуэн де Куртенэ вводит понятия морфологизации и семасиологизации фонетических представлений – произносительно-слуховых элементов фонем (кинем, акусм, кинакем) и соответствующих "противоположностей", противопоставлений фонем [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 164–174, 276–280]. Тем самым классификация фонем увязывается с их важнейшей функцией – быть экспонентами внеязыковых (семасиологических) и чисто языковых (морфологических) различий [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 185], т.е. с выражением лексических и грамматических значений. Таким образом закладываются основы функционального подхода к анализу звуковых средств языка.

С типологической точки зрения немаловажно, что, по И.А. Бодуэну де Куртенэ, избирательность в использовании произносительно-слуховых различий свойственна только морфологизации: морфологизуются, т.е. "ассоциируются с представлениями структуры слов, с представлениями некоторых форм и морфологических типов" [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 165], в разных языках разные произносительно-слуховые различия. [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 329]. Однако типологически значимыми, в частности для различения флективных и агглютинативных языков, И.А. Бодуэн де Куртенэ считает не столько типы морфологизируемых фонетических различий, сколько само наличие/отсутствие психофонетических, морфологически утилизированных альтернатив одних и тех же морфем (в том числе в качестве самостоятельных морфологических экспонентов) [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 184–185], а также регрессивное или прогрессивное направление звуковых влияний и изменений звуков [Бодуэн де

Куртенэ 1963, I: 104]. И то, и другое отражает господствующий принцип морфологического структурирования слова и его форм – воспроизводимость во флективных языках, производимость в агглютинативных языках (подробнее см.: [Зубкова 1990: 147–154]).

Дальнейшее развитие лингвистической мысли подтвердило перспективность поиска фонологических импликаций языкового типа именно в направлении, заданном И.А. Бодуэном де Куртенэ, т.е. в связи с выражением лексических и грамматических значений (ср.: [Jakobson, Waugh 1979: 53–55; Мельников 1997]) и тем общим соотношением лексических и – материально выраженных – грамматических средств, на основании чего Ф. де Соссюр выделил и противопоставил два типа языков как “два полюса, между которыми движется вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка” [Соссюр 1977: 165], – лексические языки, где преобладает склонность к употреблению лексических средств и немотивированность знаков достигает своего максимума, и грамматические языки, где предпочтение оказывается грамматическим средствам и немотивированность знаков снижается до минимума [Соссюр 1977: 165–166].

На примере таких полярных языков, как ультралексический, по Ф. де Соссюру, китайский язык [Соссюр 1977: 166] и ультраграмматический арабский язык, который по индексу грамматичности, т.е. по отношению числа аффиксов и служебных слов к общему числу морфем в тексте, превосходит даже санскрит, отнесенный Ф. де Соссюром к образцам ультраграмматических языков [Квантитативная типология 1982: 320–321], Г.П. Мельников показал принципиальную выводимость системы фонем, в частности типов противопоставлений согласных, из детерминанты языка, в данном случае из тенденции к “лексикализации”, максимальной непроизводности корней в китайском и тенденции к максимальной мотивированности слов, максимальной деривационной “производительности” корней в арабском [Мельников 1968] (см. также изложение концепции Г.П. Мельникова в кн.: [Рождественский 1969: 55–58]). Тонкий системный анализ на основе детерминантного подхода позволил Г.П. Мельникову объяснить, например, почему в семитских языках столь развито противопоставление согласных по месту образования и чрезвычайно ограничено противопоставление согласных по способу образования.

Вслед за этим было показано также, что тип языка – и именно его лексичность/грамматичность – задает вычленяемость и степень автономности звуковых единиц по отношению к морфеме, их идентификацию, классификацию и функциональную нагрузку [Зубкова 1995; 1997; Zubkova 1997].

В таком случае естественно предположить, что и типология фонологических оппозиций должна, очевидно, соотноситься с основными типами языковых значений: одни оппозиции должны – по крайней мере, в тенденции – больше “подходить” для выражения индивидуальных лексических значений и, следовательно, для различения слов, другие – для выражения общих грамматических значений (прежде всего собственно грамматических, реляционных) и соответственно для различения словоформ. Основанием для такого разделения фонологических оппозиций могут служить различия между лексикой и грамматикой в характере семантических отношений.

В разграничении лексических и грамматических значений, лексических, словообразовательных и грамматических группировок слов, как показал Ю.С. Степанов, действует закон формальной логики об обратном отношении содержания понятия к его объему. Чем большее количество слов охватывают парадигматические группировки, чем они регулярнее, тем меньше признаков включает их содержание, тем беднее они семантически. В соответствии с увеличением объема группировок от лексических к словообразовательным и, далее, к грамматическим в том же направлении уменьшается число признаков, мыслимых в содержании, и возрастает степень обобщенности категориальных семантических признаков [Степанов 1975: 156].

В результате “по соотношению с лексическими значениями грамматические всегда характеризуются каким-либо одним признаком, но этот признак охватывает множе-

ство разнообразно названных предметов и соответственно группирует множество слов-названий" [Степанов 1975: 126]. Так как "...противоположения грамматических категорий б и н а р н ы", то, по мнению Р.О. Якобсона, "...понятие морфологической корреляции... должно быть положено в основу анализа грамматических систем" [Якобсон 1985: 212].

В отличие от грамматики для лексики более характерны не корреляции (противопоставления по одному основанию), а дизъюнкции (противопоставления по нескольким основаниям) в силу того, что лексическое значение как явление, однотипное с понятием, содержит в себе более чем один признак. По данным логического анализа семантических отношений лексических единиц, п р и в а т и в н ы е оппозиции ограничены в лексике отношениями между гиперонимом и гипонимом (*цветок* – *тюльпан*) и отношениями квазиантонимов, основывающихся на несовместимых противоречащих понятиях (*молодой* – *немолодой*), э к в и п о л е н т н ы е оппозиции характеризуют отношения согипонимов (*тюльпан* – *роза* – *ландыш*...), частичную синонимию (*ватник* – *стеганка* – *телогрейка*) и истинную антонимию (*молодой* – *старый*), д и з ъ ю н к т и в н ы е – ассоциативную полисемию (*аудитория*<sub>1</sub> 'помещение для чтения лекций' – *аудитория*<sub>2</sub> 'слушатели лекции в таком помещении'), омонимию (*брак*<sup>1</sup> 'супружеские отношения' – *брак*<sup>2</sup> 'недоброкачественное изделие') [Новиков 1982: 136–147, 258]. В количественном отношении полисемия преобладает над синонимией, антонимией и тем более гипонимией.

#### ЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ

Вследствие известного изоморфизма в структурной организации плана содержания и плана выражения и их взаимосвязи [Ельмслев 1960: 318, 307] указанный выше закон логики должен действовать и в звуковой форме языка. Если прав Р.О. Якобсон (а он, очевидно, прав) и "...группировка фонем и система грамматических (шире, *языковых*. – Л.З.) значений в одинаковой мере подчинены одному и тому же принципу: с т р а т и ф и к а ц и и з н а ч и м о с т е й (*superposition des valeurs*)" [Якобсон 1972: 256], то в языке как системе, связывающей значение со звуком, не могла не сложиться определенная корреляция между систематикой фонем и систематикой значений. Естественно, эта корреляция прежде всего охватывает соответствующие "крайние точки" – самые общие и первичные противоположения. В семантической сфере основополагающим является противоположение лексического и грамматического. В системе фонем при их логической классификации двумя крайними точками, по определению Н.С. Трубецкого, оказываются нейтрализуемые привативные пропорциональные одномерные оппозиции, с одной стороны, и изолированные неоднородные многомерные оппозиции, с другой стороны [Трубецкой 1960: 94].

Надо полагать, что для выражения индивидуальных лексических значений больше подходят члены изолированных многомерных эквиполентных (равнозначных) и, следовательно, ненейтрализуемых оппозиций, максимально далекие друг от друга по степени родства и максимально неясные в отношении фонологического содержания, т.е., короче говоря, члены **дизъюнктивных** противопоставлений. Поскольку лексические значения в отличие от грамматических гораздо более многочисленны и образуют открытый список, то неудивительно, что в системе фонологических оппозиций "...многомерные противоположения численно превышают одномерные" [Трубецкой 1960: 76], а "...изолированные оппозиции гораздо многочисленнее пропорциональных", так что "...наибольшую группу образуют изолированные многомерные оппозиции" [Трубецкой 1960: 78]. Наконец, среди оппозиций, выделяемых по отношениям между их членами, "эквиполентные оппозиции – самые частые оппозиции в любом языке" [Трубецкой 1960: 83].

Для выражения грамматических значений, особенно словоизменительных (модифицирующих), напротив, более пригодны члены одномерных пропорциональных прива-

тивных оппозиций, т.е. **корреляций**. Члены таких оппозиций "...состоят между собой в близком родстве" [Трубецкой 1960: 93] и вследствие родства, как заметил Р.И. Аванесов, "...представляют собою не только различие, но и единство" [Аванесов 1956: 182]. Поэтому они могут использоваться для того, чтобы соотносительность грамматических форм подкрепить соотносительностью их звукового выражения, в частности с помощью морфологических чередований.

Если степень звуковых различий соотносительна со степенью семантических различий, то можно предположить, что чередования коррелирующих парных фонем в составе корня (основы) должны предпочтительнее использоваться при словоизменении. Такие чередования, с одной стороны, служат различению словоформ, с другой стороны, подчеркивая соотносительность последних, обеспечивают единство, тождество слова как системы словоформ, а с третьей, через тождество отношений между парными фонемами соотносительного ряда подчеркивают тождество отношений между членами грамматических оппозиций, закрепляя таким образом грамматическую категоризацию.

При деривации, когда мотивационные отношения связывают хотя и родственные, но все же разные лексические единицы, чередования дизъюнктивных фонем логически так же целесообразны, как чередования коррелирующих фонем: первые – для указания на различие, на лексическую самостоятельность производящего и производного членов словообразовательной пары, вторые – для указания на их родство.

Эти предположения подтверждаются, в частности, на материале русского языка. В самом деле, по наблюдениям Н.С. Трубецкого, когда чередование является единственным средством передачи формального противопоставления, то, за единичными исключениями, "в словоизменении могут использоваться только чередования с коррелирующими альтернантами" [Трубецкой 1987: 134]. Это, во-первых, чередования "коррелирующих видов" гласных – сильных (ударных) и слабых (безударных) – при передвижении ударения в словоизменительной парадигме, а во-вторых, чередования согласных по тембру. В первом случае чередуются аллофоны гласных, находящиеся не просто в близком, но ближайшем родстве, во втором – твердые и мягкие согласные, различие между которыми еще не стало вполне фонематическим. В словообразовании при тех же условиях используются чередования как с коррелирующими, так и с дизъюнктивными альтернантами, причем чередуются почти исключительно согласные, являющиеся основными носителями лексической информации (см. ниже) [Трубецкой 1987: 135–136].

Можно заметить также, что степень разграничения чередований с коррелирующими и дизъюнктивными альтернантами в словоизменении и словообразовании определенно зависит от лексичности/грамматичности части речи. Поэтому данное разграничение последовательно проводится в самой знаменательной, самой лексичной части речи – в имени существительном и отсутствует в глаголе, в котором "...больше, чем в других частях речи, пересекаются, причудливо взаимодействуя, лексическое и грамматическое" [Уфимцева 1974: 128]. Соответственно "именное словоизменение, в сущности, знает лишь чередования с коррелирующими альтернантами (передвижение ударения, чередование согласных по тембру), и то в довольно ограниченных масштабах. ... Чередования с дизъюнктивными альтернантами выступают у неглагольных корней и суффиксальных морфем только в словообразовании; при этом чередования гласных данного типа весьма редки, а чередования согласных продуктивны и хорошо засвидетельствованы только у k, g, x, с в исходе основы. Напротив, в глагольных корневых морфемах и основах богато представлены все виды чередований (даже выпадение согласного!) как в словообразовании, так и в словоизменении" [Трубецкой 1987: 136–137], причем в обоих видах формообразования живыми и продуктивными являются чередования зубных и губных, но не заднеязычных [Трубецкой 1987: 123–128].

Поскольку модификация корня/основы при формообразовании есть свойство флективно-фузионных языков, то и корреляции особенно необходимы для этих языков. В агглютинативных языках, где модификация корня/основы не участвует в выражении

грамматических значений, нет, вообще говоря, необходимости в корреляции фонем.

В этой связи представляется вполне закономерным, что, несмотря на наличие корреляций, "...коррелятивные противопоставления в мордовском используются сравнительно меньше, чем в русском" [Трубецкой 1987: 65–66]. Ведь "мордовский не знает никаких грамматически значимых изменений звукового облика корня. Единственным средством формообразования является агглютинация, то есть прибавление, пристегивание строевых элементов к неизменяемому корню" [Трубецкой 1987: 66].

Показательно и то, что в предлагаемой Н.С. Трубецким фонетической системе искусственного международного языка, который, по мнению Н.С. Трубецкого, должен обладать по возможности наиболее простой как грамматической, так и звуковой системой, нет других коррелятивных пар согласных, кроме р–m, t–n, образованных членами первичных, по Р.О. Якобсону, консонантных противоположений [Якобсон 1972: 248–249, 253–255]. Более того, Н.С. Трубецкой считает, что "...в звуковой системе этого языка нужно во что бы то ни стало избегать так называемых корреляций. В искусственном международном языке для различения слов не должны использоваться ни различия долгих и кратких гласных, ни различия между звонкими и глухими, соответственно интенсивными и слабыми или придыхательными и непридыхательными согласными, ни различия в месте ударения. Тем более, что все эти различия совершенно неизвестны большей части языков земного шара" [Трубецкой 1987: 17].

Таким образом, завершая анализ логической классификации фонологических оппозиций, можно сделать вывод о функциональной сопряженности дизъюнктивных противоположений фонем с выражением лексических значений, а коррелятивных противоположений фонем с выражением грамматических значений. Такая скоординированность парадигматики фонем с планом содержания покоится на том, что в лексике преобладают дизъюнкции, в грамматике – корреляции.

#### **ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИКА ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ**

Неодинаковые потенциальные возможности фонологических различий в выражении лексических и грамматических значений обнаруживают не только логически выделяемые типы оппозиций, но и противоположения по отдельным фонетическим признакам. В первую очередь это относится к самым общим противоположениям – сегментных и суперсегментных средств, согласных и гласных.

Грамматические значения по самой своей природе – в силу (широко понимаемой) реляционности – требуют для своего выявления более или менее длинного линейного ряда (что вполне очевидно не только в случае синтагматически выявляемых реляционных категорий, но и референциальных). Поэтому для их выражения лучше всего подходят и прежде всего используются интонация и другие суперсегментные средства, характеризующие этот ряд как целое, а значит, и гласные, которые представляют собой "длительные состояния" и потому являются основными носителями просодической информации, обеспечивающими фонетическую целостность предложения, синтагмы, слова.

Следует особо подчеркнуть закреплённость интонации за выражением именно грамматических значений. Даже тогда, когда за интонацией признают знаковые свойства и фразоразличительные средства считаются самостоятельными знаками [Трубецкой 1960: 254], когда выделяются собственно содержательные единицы интонации, речь идет о внутриязыковой семантике, о выражении отношений – противопоставления, пояснения и т.п. [Николаева 1977: 21], о грамматикализованности интонационных фигур [Николаева 1977: 263].

Немаловажно и то, что число этих фигур, как и других типов суперсегментных единиц, ограничено и "...материально они часто эквивалентны одному признаку (напр., долгота, высота тона)" [Виноградов 1990: 556].

Сравнительно с суперсегментными сегментные единицы – фонемы – в силу большей

членораздельности сегментной сферы – и более многочисленны, и более сложны в меризматическом отношении ("...фонема – всегда комплекс признаков" [Виноградов 1990: 556]), а следовательно, обладают большими различительными возможностями. Поэтому открытое множество лексических единиц конституируется прежде всего сегментными средствами, на которые в случае необходимости как бы "накладываются" суперсегментные.

Среди сегментных единиц – в соответствии с иерархией функций и возможностями субстанции выполнять ту или иную функцию [Мельников 1968: 11] – "...согласные приобретают фонологическую значимость раньше гласных" [Якобсон 1972: 255] и закрепляются за выражением первичных и иерархически самых важных из языковых значений, каковыми являются "вещественные", лексические значения. Эта закреплённость в той или иной мере сохраняется и после обретения гласными фонологической значимости. Функциональное разграничение согласных и гласных опирается на их пространственно-временные свойства и в первую очередь на наиболее общий различающий их признак – наличие/отсутствие артикуляционного фокуса. Четко локализованные в пространстве речевого тракта и ограниченные во времени согласные больше приспособлены к выражению множества вещественных, лексических значений, нежели не имеющие артикуляционного фокуса и менее ограниченные во времени гласные. Не случайно среди языков мира есть такие, в которых знаменательный корень экспонируется, как правило, одними согласными, но нет языков, в которых экспонентами корня выступают исключительно гласные.

Из основополагающей роли наличия/отсутствия артикуляционного фокуса в различении звуков проистекает, с одной стороны, первостепенная значимость признаков локализации для выражения лексических значений, а с другой – неодинаковая функциональная нагрузка данных признаков у согласных и гласных. Локальные различия всегда существенны для специализирующихся на выражении лексических значений согласных, но не для гласных, в большей мере закреплённых за передачей грамматических значений. В самом деле, "есть языки, где эти признаки гласных не обладают смысловозначительной функцией" [Трубецкой 1960: 108], но "нет ни одного языка, в котором локальные признаки согласных были бы фонологически несущественными" [Трубецкой 1960: 142]. Неудивительно, что там, где знаменательные корни экспонируются только согласными, противоположения по локальным признакам оказываются особенно развитыми.

Фонологическая систематика согласных определённо сопряжена с логической. Пожалуй, наиболее четко такую сопряжённость обнаруживают противоположения согласных по месту и способу образования, т.е. по локальным и модальным признакам. Уже в 1931 г., анализируя консонантизм восточнокавказских языков, Н.С. Трубецкой обратил внимание на то, что "противопоставления, основанные на различиях по месту образования, д и з ъ ю н к т и в н ы, то есть каждый локальный ряд противопоставлен всем остальным. ... Напротив, признаки с п о с о б а о б р а з о в а н и я шумных фонем – не дизъюнктивные, а к о р р е л я т и в н ы е категории, то есть каждый артикуляционный класс специально противопоставлен какому-нибудь другому, так что в языковом сознании они всегда выступают парами" [Трубецкой 1987: 287].

Позднее, в "Основах фонологии", на огромном языковом материале Н.С. Трубецкой вскрывает логическую неоднородность локальных противоположений. При этом оказывается, что функциональная нагрузка локальных консонантных противоположений дифференцируется не только в зависимости от их логической квалификации, но и в соответствии со стратификацией фонологических противоположений. Лексически нагружены прежде всего основные локальные ряды, ибо "основные ряды относятся друг к другу, как члены многомерных гетерогенных оппозиций. Однако во многих языках некоторые из этих основных рядов расщепляются на два близкородственных ряда, которые относятся друг к другу как члены одномерной эквиполентной оппозиции, а к другим (основным или близкородственным) рядам той же системы – как члены многомерной оппозиции. Наконец, каждый локальный ряд может расщепляться на ря-

ды, относящиеся друг к другу как члены (фактически или логически) привативной оппозиции. В той мере, в какой подобное расщепление охватывает несколько локальных рядов той же консонантной системы, возникает либо тембровая, либо авульсивная корреляция" [Трубецкой 1960: 163]. Эти последние способны получить нагрузку в выражении грамматических значений. Примером может служить противоположение согласных по признаку твердости–мягкости в русском языке: чередования твердых согласных с парными мягкими и наоборот широко используются при словоизменении и словообразовании. Симптоматично, что корреляция согласных по твердости–мягкости развивается в русском языке в тесной связи с модальными корреляциями по способу образования и глухости–звонкости, вычлняясь из них [Иванов 1968; Степанов 1975: 261–262].

В отличие от противоположений по локальным признакам оппозиции по модальным, резонансным, а также просодическим признакам логически более однородны: все они, согласно Н.С. Трубецкому, имеют коррелятивную природу (или во всяком случае тяготеют к ней) [Трубецкой 1960: 167–246]. Вследствие своей коррелятивности данные признаки чаще морфологизуются. К числу морфологизованных принадлежат, например, корреляции смычный–щелевой в новогреческом [Трубецкой 1960: 170], ирландском [Герценберг 1970: 84–86, 102–103] и нивхском [Панфилов 1968: 412–413, 424–425], глухой–звонкий и звонкий–носовой в ирландском [Герценберг 1970: 86], глухой–носовой в индонезийских языках [Зубкова 1974: 23–30], придыхательный–непридыхательный в бирманском [Касевич 1986: 27, 30] и т.д. Чередующиеся члены резонансной (назальной) и разнообразных модальных корреляций согласных принадлежат к одному локальному ряду. Это касается не только морфонологических, но и автоматических чередований, наблюдаемых, например, на стыке морфем в агглютинативных языках [Золхоев 1980]. Благодаря устойчивости локальных признаков – в силу многомерности оппозиционных связей между основными локальными рядами – на эти признаки, естественно, ложится большая нагрузка в передаче лексических значений.

Таким образом, в отсутствие жестких разграничительных линий и в плане содержания, и в плане выражения все же можно говорить о предпочтительном использовании одних звуковых средств для выражения лексических значений, а других – для выражения грамматических значений: сегментные единицы, прежде всего согласные и в особенности их локальные признаки ориентированы на выражение лексических значений; суперсегментные средства, гласные и модальные признаки согласных – на передачу грамматических значений.

Из анализа фонетической систематики фонологических оппозиций следует, что, помимо соотношения дизъюнктивных и коррелятивных противоположений, стратификация значимостей в группировке фонем, с одной стороны, и в системе значений, с другой стороны, отражает историческую последовательность появления тех и других.

Многочисленные исследования становления грамматических форм, проводившиеся на протяжении XIX–XX вв., позволяют заключить, что "...грамматические категории системы номинации при своем возникновении проходят сначала этап лексической абстракции и являются при этом лексическими категориями, а затем этап, когда они являются категориями словообразовательными" [Степанов 1975: 156], т.е. становление языковых значений осуществляется в последовательности: «лексическое – словообразовательное – грамматическое».

В системе фонем, согласно Р.О. Якобсону, тоже действует универсальный иерархический порядок, вследствие чего "...выбор дифференциальных элементов внутри того или иного языка далеко не случаен и не произволен" [Якобсон 1972: 257]. В соответствии с тенденциями универсального и постоянного характера в русском языке, например, фонологические противоположения согласных формируются в следующем порядке. Прежде всего согласные противопоставляются по активному речевому органу и месту образования, и эти противоположения закрепляются за выражением лексических значений. Затем развиваются противоположения по способу образования и



глухости–звонкости. И, наконец, появляется противоположение по твердости–мягкости, служащее главным образом выражению грамматических значений.

По данным языков различных типов, принадлежащих к разным языковым семьям, конститутивная нагрузка противоположений фонем в сегментной организации слова также соотносена с иерархией языковых значений [Зубкова 1990].

"Лексикализация одних фонематических противоположений и грамматикализация других, отражая стратификацию фонологических и семантических различий в языковом развитии, указывает на их взаимосвязь: первичности лексических значений по отношению к грамматическим соответствует первичность консонантных противоположений по отношению к вокалическим и, далее, первичность локальных консонантных различий по отношению к модальным" [Зубкова 1990: 241].

Из соотносительности членений в семантической и звуковой сферах следует: "...чем древнее фонологическая оппозиция и чем больше расщеплений пережила она на своем веку, тем меньше ее участие в словообразовании (и ничтожно в словоизменении), но тем больше ее участие в неотчетливых и нерегулярных, паронимических противопоставлениях слов" [Степанов 1975: 262]. Иначе говоря, "...словоизменение построено на новейших фонологических оппозициях, словообразование – с меньшим участием новейших оппозиций и большим участием более старых, регулярные отношения в лексике – с еще меньшим участием новейших оппозиций и еще большим участием старых оппозиций, нерегулярные отношения в лексике типа паронимии построены в очень малой степени на новейших оппозициях и главным образом на оппозициях старых и очень старых" [Степанов 1975: 262–263].

Так перекрещиваются отношения в лексике, словообразовании и словоизменении, с одной стороны, и в фонологии – с другой.

Большая или меньшая закрепленность одних звуковых средств и фонологических оппозиций за выражением лексических значений, других – за выражением грамматических значений с возможной дальнейшей дифференциацией словообразовательных и словоизменительных отношений указывает, далее, на то, что в тенденции фонемы обладают не только смыслоразличительной, но и "смыслообозначительной", по А.Ф. Лосеву [Лосев 1989: 77], или, иначе, собственно сигнификативной (от лат. *significare* 'обозначать'), функцией, не сводимой к различению значащих единиц [Зубкова 1990: 240].

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. 1956 – Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.  
Бодуэн де Куртене И.А. 1963 – Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II. М., 1963.  
Виноградов В.А. 1990 – Фонология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.  
Герценберг Л.Г. 1970 – Морфологическая структура слова в ирландском языке // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.  
Гумбольдт В. фон. 1984 – Избранные труды по языковедению. М., 1984.  
Ельмслев Л. 1960 – Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.  
Золотов В.И. 1980 – Фонология и морфонология агглютинативных языков (Особенности функционирования системы фонем). Новосибирск, 1980.  
Зубкова Л.Г. 1974 – Оппозиция смычных согласных в индонезийском языке // Asian and African Studies. X. Bratislava, 1974.  
Зубкова Л.Г. 1990 – Фонологическая типология слова. М., 1990.  
Зубкова Л.Г. 1995 – Типология фонологических систем в свете сущностных свойств языка // III Международная конференция "Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки". Тезисы докладов. М., 1995.  
Зубкова Л.Г. 1997 – Лексичность/грамматичность языка и его звуковой строй // Фонетика в системе языка. Вып. I. М., 1997.  
Иванов В.В. 1968 – Историческая фонология русского языка. М., 1968.  
Касевич В.Б. 1986 – Морфонология. Л., 1986.  
Квантитативная типология 1982 – Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.  
Климов Г.А. 1983 – Принципы континентальной типологии. М., 1983.

- Лосев А.Ф. 1989 – В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989.
- Мельников Г.П. 1968 – Системный анализ причин своеобразия семитского консонантизма. М., 1968.
- Мельников Г.П. 1997 – О природе фонетических и фонологических единиц в свете понятий современной системой лингвистики // Фонетика в системе языка. Вып. 1. М., 1997.
- Николаева Т.М. 1977 – Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Новиков Л.А. 1982 – Семантика русского языка. М., 1982.
- Панфилов В.З. 1968 – Нивхский язык // Языки народов СССР. Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968.
- Рождественский Ю.В. 1969 – Типология слова. М., 1969.
- Соссюр Ф. де. 1977 – Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю.С. 1975 – Основы общего языкознания. М., 1975.
- Трубецкой Н.С. 1960 – Основы фонологии. М., 1960.
- Трубецкой Н.С. 1987 – Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Уфимцева А.А. 1974 – Типы словесных знаков. М., 1974.
- Якобсон Р.О. 1972 – Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Jakobson R., Waugh L. – The sound shape of language. Brighton, 1979.
- Zubkova L.G. 1997 – The typological determinant and sound structure of language // Typology: prototypes, item orderings and universals. Proceedings of LP'96. Acta Universitatis Carolinae 1996. Philologica. Prague, 1997.